

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

0000-0002-6340-2598

Uniwersytet Warszawski

Wydział Lingwistyki Stosowanej

Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej

Zakład Kulturologii Wschodnioeuropejskiej

02-678 Warszawa

ul. Szturmowa 4

l.lutevici@uw.edu.pl

ЧИСТОСЕРДЕЧНАЯ ИСПОВЕДЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

THE “UPRIGHT CONFESSION” OF THE EMPRESS CATHERINE II

В центре внимания автора статьи находится *Чистосердечная исповедь* (1774), написанная российской императрицей Екатериной II в форме письма к новому фавориту Григорию Потемкину. Екатерина откровенно признается возлюбленному в своих интимных связях с другими мужчинами. Она пытается объяснить свою влюбчивость в духе современного ей просветительства «естественными» свойствами своей «натуры». Признаваясь, по сути, в прелюбодеянии, императрица о самом грехе ни разу не упоминает. В *Чистосердечной исповеди* Екатерины II нет ни раскаяния, ни покаяния. На первый план в повествовании выдвинута откровенность признания, слегка окрашенная самоиронией. Таким образом, российская императрица в своем письме-исповеди оказывается как бы вне традиционной морали и нравственности.

Ключевые слова: Екатерина II, Потемкин, *Чистосердечная исповедь*, письмо, откровенность.

The author of the article focuses attention on the “Upright Confession” (1774), written by the Russian Empress Catherine II in the form of a letter to her new favourite Grigory Potemkin. Catherine speaks to her lover openly about her liaisons with other men. She tries to explain her amorousness in terms of “natural” properties of her “nature”, an Enlightenment concept current at the time. While in fact admitting to adultery, the Empress never mentions sin as such. There is no remorse, no repentance in Catherine’s “Upright Confession”. What is foregrounded is the frankness of the account, slightly coloured by irony. Thus, in her letter of confession the Russian Empress as though places herself beyond the traditional morality.

Keywords: Catherine II, Grigory Potemkin, “Upright Confession”, letter, frankness.

1

Слово *исповедь* в словарных статьях имеет, как правило, два основных значения: 1) церковное таинство покаяния (одно из семи христианских таинств), когда «христианин искренно и сердечно раскаиваясь в грехах своих и намереваясь исправить свою жизнь, с верою во Христа и с надеждою на Его милости, излагает устно свои грехи перед священником, который также устно разрешает ему его грехи»¹; 2) литературно-публицистический и философский жанр, включающий

[...] откровенное признание героя-рассказчика в совершении безнравственных поступков, обращенное к читателям; рассказ о себе, стремящийся дать слушателю-читателю настолько полное (в этическом смысле) знание чужих поступков и их мотивов, чтобы оно свидетельствовало об ответственности «я» и было поводом для его возможного признания и оправдания другим².

Исповедь религиозная, согласно святоотеческому учению, требует от человека искреннего раскаяния в грехах, покаяния, изменения своей грешной жизни, перемены ума, обращения на путь веры, упование на милости Господа. Христианину, учат отцы церкви, необходимо всегда помнить, что суть подлинного исповедания определяется не только глубоким раскаянием, но и перерождением души, ведущим к появлению нового человека – духовного.

Как отмечает современный философ Михаил Уваров, исповедь, «зародившись в качестве важнейшего элемента христианского вероучения», через некоторое время «обрела „светский” статус», став «уникальной формой человеческого самовыражения», в которой обнаруживаются «„подлинности” самого бытия»³, среди которых выступают и признания повествователя в совершении безнравственных поступков.

В России светские исповеди появились достаточно поздно – в конце XVIII в. В 1790-е гг. известный русский комедиограф Денис Фонвизин (1774–1792) начал писать автобиографическое *Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях* (1790–1792)⁴, которое так

¹ Покаяние, [в:] *Полный православный богословский энциклопедический словарь*: в 2-х тт., Санкт-Петербург: Изд-во П. П. Сойкина [1913], т. 1, с. 1826.

² Т. Н. Волкова, *Исповедь*, [в:] *Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий*, гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко, Москва: Изд-во Кулагиной Intrada 2008, с. 85.

³ М. С. Уваров, *Архитектоника исповедального слова*, Санкт-Петербург: Алетей 1998, с. 9.

⁴ Д. И. Фонвизин, *Собрание сочинений*: в 2-х тт., сост., подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко, Москва, Ленинград: Государственное Издательство Художественной Литературы 1959, т. 2, с. 81–104.

и не закончил⁵. Это «признание» широко известно и до сегодняшнего дня является важнейшим источником для биографических и историко-литературных трудов, посвященных личности и творчеству Фонвизина⁶. Второй текст – *Чистосердечная исповедь* (1774), написанный значительно ранее, почти не известен, хотя и принадлежит коронованной особе – российской императрице Екатерине II (1729–1796)⁷. В статье предпринята попытка осмысления и интерпретации екатерининской исповеди, обращенной к фавориту Григорию Потемкину (1739–1791).

2

Российская императрица Екатерина Великая назвала *Чистосердечной исповедью* свое письмо Григорию Потемкину от 21 февраля 1774 года⁸.

Знакомство между этими двумя неординарными лицами состоялось 28 июня в 1762 г., когда двадцатидвухлетний вахмистр лейб-гвардии Конного полка Григорий Потемкин вместе с братьями Орловыми участвовал в дворцовом перевороте, который возвел Екатерину Алексеевну на российский престол. В отличие от Орловых, в списках награжденных Потемкин оказался на не завидном месте – в самом конце. Однако государыня не оставила юношу без внимания. Она замечала, что на придворной службе он выделяется познаниями (питомец университетской гимназии свободно владел французским и немецким языками), умом, расторопностью, поэтому вскоре молодой человек был пожалован в камер-юнкеры и допущен в круг личных друзей императрицы. Карьера его развивалась весьма успешно

⁵ См.: Л. Ф. Луцевич, *Ното confitens Дениса Фонвизина*, [в:] *Проблемы изучения русской литературы XVIII века*, вып. XV, ред. Е. И. Анненкова, О. М. Буранок, Санкт-Петербург; Самара: Ас Гард 2011, с. 130–140.

⁶ См., например: П. А. Вяземский, *Фонвизин*, Санкт-Петербург 1848; С. М. Бриллиант, *Денис Фонвизин. Его жизнь и литературная деятельность*, Санкт-Петербург: Изд. Ф. Ф. Павленкова 1892; М. В. Муратов, *Денис Иванович Фонвизин*, Москва, Ленинград: Государственное издательство Детской литературы Наркомпроса РСФСР 1953; Г. П. Макогоненко, *Денис Иванович Фонвизин: Творческий путь*, Москва-Ленинград: Гослитиздат 1961; С. Б. Рассадин, *Сатиры смелый властелин. Книга о Д. И. Фонвизине*, Москва: Книга 1985; М. Ю. Люстров, *Фонвизин*, Москва: Молодая гвардия 2013 и др.

⁷ Подлинник этого документа не сохранился; копия его находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ: Фонд 728, оп. 1, д. 425, л. 1–5). Копия перепечатывалась в издании: *Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пытина: в 12-ти тт.: Автобиографические записки*, Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии наук 1907, т. 12, ч. 2, с. 697–699.

⁸ *Екатерина II – Г. А. Потемкину. Чистосердечная исповедь*. [21 февраля 1774], [в:] *Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791*, изд. подготов. В. С. Лопатин, Москва: Наука 1997, с. 9–10. В дальнейшем источник цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в тексте в скобках.

– в 1768 г. камер-юнкер уже действительный камергер (чин соответствовал армейскому генерал-майору) двора Ее Императорского Величества. Однако честолюбивый Потемкин, имея перед глазами пример Григория Орлова, искал случая отличиться. И повод представился. Когда началась война между Турцией и Россией (1768), он получил разрешение императрицы на перевод в действующую армию. Храбро сражался в битвах при Рябой Могиле, Ларге, Кагуле, Фокшанах, брал крепости Измаил и Килия, заслужил отменную репутацию храброго воина, хорошего стратега и соответственно высокие награды. В декабре 1773 г. императрица вступила с ним в переписку, хвалила за усердие в служении отечеству и лично ей, заботилась, просила не рисковать напрасно жизнью, демонстрировала свое явное расположение⁹. При новых встречах Екатерина увидела в Потемкине человека глубоко мыслящего, проницательного, трезвого, волевого, уже немало пережившего и передумавшего – достойного соратника. Внезапно вспыхнула взаимная страсть.

По признанию самой императрицы, от природы она «получила великую чувствительность и наружность привлекательную», мужчинам «нравилась с первого разу и не употребляла для этого никакого искусства и прекрас»¹⁰. По книгам, прочитанным в ранней юности, у нее сформировалось романтическое представление о любви, в мужчине она хотела видеть не только возлюбленного, но и близкого друга, единомышленника. Этого она ждала от своего законного супруга – Петра Федоровича, который, однако, не только отверг любовь юной Екатерины, но и сумел превратить ее в ненависть.

В исповеди к Потемкину Екатерина признавалась: «естли б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась» (с. 9–10). Судьба распорядилась иначе. В результате за пренебрежение честолюбивой супругой император Петр III, как известно, поплатился и трон, и жизнью¹¹.

Кстати сказать, в царском манифесте *О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II* от 28 июня 1762 г., подтвердившим отстранение императора от власти, указывалось, что в период правления Петра III нависла угроза над православной церковью: «Церковь наша увидела опасность перемены древнего православия на иноверный закон»¹² (император, как

⁹ Екатерина II и Г. А. Потемкин. *Личная переписка...*, с. 7.

¹⁰ *Записки императрицы Екатерины II*, изд. Искандера, пер. с франц., Лондон: Trübner & Co 1859, репринтное воспроизведение, Москва: Наука 1990, с. 238.

¹¹ См. подробнее: О. Иванов, *Екатерина II и Петр III. История трагического конфликта*, Москва: Центрполиграф 2007.

¹² Манифест. *О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II*, [в:] *Полное Собрание законов Российской Империи с 1649 по 12 декабря 1825 года*, т. XVI: с 28 июня 1762 по 1765, от № 11.582 до 12.301, Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии 1830, с. 3.

известно, склонялся к лютеранству). Сама Екатерина позиционировала себя приверженницей православия, которое она приняла по приезду в Россию в пятнадцатилетнем возрасте: с того времени усердно изучала Символ веры, участвовала в религиозной жизни двора, посещала богослужения, говела, соблюдала посты... Однако «злослычный» князь-историограф Михаил Щербатов – автор тайного мемуарного памфлета *О повреждении нравов в России* (1786 или 1787), считал православие Екатерины фальшивым, лицемерным, писал, что императрица «закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется, ни за что почитает) [...]»¹³. Историки и биографы императрицы сходятся в том, что, придерживаясь принципов широкой веротерпимости, она была человеком мало религиозным; внешнее почитание церкви соседствовало у нее с религиозным индифферентизмом.

Екатерина, по собственному признанию, была согласна «уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела»¹⁴. Князь Щербатов считал, что отход от истинной религиозности неизбежно ведет общество к нравственной деградации. Он гневно упрекал императрицу и ее двор в моральном разложении («мораль ее состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камени закона Божия»¹⁵) и особенно в «разврате нравов женских и всей стыдливости»; именно императрица, дав волю своим страстям, по словам князя, соорудила в собственном сердце «храм пороку», подавая тем самым дурной пример соотечественницам¹⁶.

«Любострастная» императрица (М. Щербатов) из-за связей с многочисленными любовниками, «един другому часто наследующих»¹⁷, заслужила сомнительную репутацию. В список «мужчин Екатерины II», составленный на основе воспоминаний ее современников известным историком Петром Бартеневым (1829–1912) и дополненный позже Яковом Барсковым (1863–1938), входит 23 фаворита и любовника, но считается, что в реальности их было значительно больше.

Влюбчивость Екатерины, обусловленная как ее индивидуальными психо-физиологическими особенностями, так и негативным опытом любовных отношений с супругом, трактуется в биографической литературе по-разному: 1) как дефицит любви, внимания, поддержки со стороны законного супруга, что порождало и острое ощущение одиночества, и надежду на любовь, которая восполнит необходимое – понимание, положение, защиту, даст жизни

¹³ М. М. Щербатов, *Избранные труды*, сост., автор вступит. ст. и коммент. С. Г. Калинина, Москва: Российская политическая энциклопедия 2010, с. 476.

¹⁴ *Записки императрицы Екатерины Второй*, перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук, Санкт-Петербург: Изд. А. С. Суворина 1907, с. 637.

¹⁵ М. М. Щербатов, *Избранные труды...*, с. 467.

¹⁶ Там же, с. 470–471.

¹⁷ Там же, с. 470.

новые импульсы и смыслы, а главное – уверенность и устроенность в будущем; 2) как следствие мечтательности: в отношениях с мужчинами она нередко видела образ, который создала в воображении; как только понимала, что реальный человек не соответствует идеалу, бросала его и искала нового; 3) как сознание силы и демонстрация своей власти на любовном фронте, сознательная организация любовных отношений как сильных чувств и страстей; 4) как стремление обрести достойного соратника, способного гармонически совмещать в себе умение государственно мыслить, принимать ответственные решения, воплощать их в жизнь и быть при этом утонченным любовником. Этот ряд трактовок «любовности» Екатерины можно было бы продолжить и расширить, но, думается, и приведенных достаточно для концептуального восприятия *Чистосердечной исповеди* императрицы.

По настоянию Григория Потемкина – своего нового требовательного возлюбленного, Екатерина в письме-исповеди кратко, но вместе с тем откровенно и по-немецки педантично описывает историю своих любовных связей. На упреки в распутстве и постоянной смене любовников, которых к моменту начала интимных отношений с Потемкиным он насчитал около полутора десятка, Екатерина не без иронии отвечала:

[...] не пятнадцать, но третья доля из сих: первого по неволе да четвертого из дешпе-рации [от отчаяния – Л. Л.] я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих, естли точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею [...] (с. 9).

Екатерина отвергает обвинения в легкомыслии и распутстве. Она, вслед за нелюбимым ею Ж.-Ж. Руссо, считает, что «чувствительность» – естественное следствие человеческой природы, поэтому, если даже «в голове запечатлены самые лучшие правила нравственности, но как скоро примешивается и является чувствительность, то непременно очутишься неизмеримо дальше, нежели думаешь»¹⁸. Екатерина на собственном опыте убедилась, что «человек не властен в своем сердце; он не может по произволу сжимать его в кулак и потом опять давать свободу»¹⁹; разум постоянно стремится навязать моральные нормы поведения, но он не способен обуздать чувства.

Признания Потемкину, как следует из исповеди императрицы, связаны с именами пятерых мужчин (пятый – он сам).

«Первый по неволе», в определении Екатерины, – Сергей Салтыков (1726–1765). Почему «по неволе»? Ситуация складывалась таким образом:

¹⁸ *Записки императрицы Екатерины II ...*, с. 239.

¹⁹ Там же, с. 239–240.

правляющая императрица Елизавета Петровна (1709–1762) была очень обеспокоена тем, что по истечении девяти лет со дня заключения брака Петра Федоровича и Екатерины у них нет детей, а значит, российский престол все еще остается без наследника. Елизавета требовала принятия самых действенных мер в решении этого деликатного вопроса. Тогда Мария Чоглова – двоюродная сестра и наперсница Елизаветы Петровны, приставленная в качестве гофмейстерины к великой княжне Екатерине Алексеевне (в сговоре с канцлером графом Алексеем Бестужевым-Рюминым) нашла способ изменить ситуацию: она предложила молодым супругам, «чтобы выбрали по своей воле из тех, кои она на мысли имела. С одной стороны, выбрали вдову Грот [...] [для Петра Федоровича – Л. Л.], а с другой – Сер[гея] Салтыкова» (с. 9) [для Екатерины Алексеевны – Л. Л.]. Сергей Салтыков – веселый, общительный красавец, выходец из древней и знатной семьи, камергер Петра Федоровича, был душою «малого двора». Сближение с Салтыковым, в котором, по словам Екатерины, была «великая нужда и надобность», началось в 1752 г. Впоследствии в своих *Записках* она вспоминала о Салтыкове того периода:

[...] он был прекрасен, как день, и, без сомнения, никто не мог с ним сравняться и при большом дворе, тем менее при нашем. Он был довольно умен и владел искусством обращения с тою хитрою ловкостью, которая приобретается жизнью в большом свете, и особенно при дворе, ему было 26 лет, и со всех сторон – и по рождению и по многим другим отношениям он был лицо замечательное²⁰.

Эта запись свидетельствует о наличии у Салтыкова многих личных достоинств, которые, несомненно, повлияли на развитие «чувствительных отношений» в не меньшей степени, чем «нужда и надобность». В 1754 г. родился наследник – Павел Петрович, отцом которого, как дает понять Екатерина, был Сергей Салтыков²¹. Его-то и отправил великий канцлер в Швецию с извещением о знаменательном событии. Екатерина пишет: «С[ергея] С[алтыкова] послали посланником, ибо он себя нескромно вел [...]» (с. 9); а в *Записках* уточняет: «не останавливался ни перед одною женщиною, какая ему попадалась»²². Екатерина признается, что разлука вызывала в ней грусть и тоску по Салтыкову. Однако далее в исповеди пишет:

По прошествии года и великой скорби приехал нынешний Кор[оль] Пол[ьский], которого отнюдь не приметили, но добрые люди заставили пустыми подозрениями догадаться,

²⁰ *Записки императрицы Екатерины II...*, с. 125–126.

²¹ Там же, с. 135–136.

²² Там же, с. 174.

что он на свете, что глаза были отменной красоты и что он их обращал (хотя так близорук, что далее носа не видит) чаще на одну сторону, нежели на другая. Сей был любезен и любим от 1755 до 1761 (с. 9).

Граф Станислав Понятовский (1732–1798) прибыл в Петербург в свите английского посланника сэра Чарлза Уильямса в 1755 г. Умный, образованный, деликатный, он произвел очень приятное впечатление на великую княгиню. Она влюбилась в двадцатитрехлетнего поляка; он и сам, как писал в своих мемуарах, испытал к ней глубокое и серьезное чувство²³. В 1757 г. Екатерина родила девочку Анну (умерла в младенчестве) – предположительно дочь Понятовского. В 1758 г. польский граф был отозван из России, Екатерина пыталась его вернуть, но безуспешно.

После разлуки («тригоднешная отлучка») с Понятовским, прошедших со дня его высылки, «добрыя люди заставили приметить», как пишет Екатерина, «старательства Кн[язя] Гр[игория] Григорьевича» Орлова (с. 9). Отношения с Григорием Орловым (1734–1783) оказались самыми длительными в жизни Екатерины. Григорий вступил на службу лейб-гвардии Преображенского полка солдатом, участвовал в Семилетней войне, отличался силой, храбростью, удальством, о его дерзких подвигах ходили легенды. Особо ярко проявил себя в сражении под Цорндорфом (1759): получив три ранения, не только не покинул поле боя, но и продолжал сражаться с противником, что сделало его необыкновенно популярным в офицерских кругах. В 1759 г. красавец-богатырь был переведен на службу в столицу (вскоре стал адъютантом генерал-фельдцейхмейстера графа Петра Шувалова), где прославился, но уже на амурном поприще. Екатерина была весьма наслышана о герое; первая же встреча с ним решила ее судьбу.

Александр Голомбиевский – биограф Орлова, пишет:

Природа щедро одарила Орлова. «Это было, – по выражению императрицы, – изумительное существо, у которого все хорошо: наружность, ум, сердце, душа». Высокий и стройный, он, по отзыву Екатерины, «был самым красивейшим человеком своего времени»²⁴.

От Орлова она родила в 1762 г. сына Алексея (граф Бобринский). Роман между Екатериной и Григорием Орловым разросся в дерзкий, отчаянный

---

²³ См.: С. М. Горяинов, *Станислав-Август Понятовский и Великая княгиня Екатерина Алексеевна. По неизданным источникам*, «Вестник Европы» 1908, № 1–3, [электронный ресурс] http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XVIII/1780-1800/Ponjatovskij_S/text1.phtml?id=12709 [04.10.2018].

²⁴ А. А. Голомбиевский, *Биография князя Г. Г. Орлова*, Москва: Университетская типография 1904, с. 5–6.

заговор против императора Петра Федоровича и завершился воцарением новой императрицы. Екатерина не раз упоминала, что «обязана короною Орловым и не может их достаточно вознаградить»²⁵. Об этом говорили и сами братья, хотя все они после переворота были возведены в графское достоинство, а Григорий произведен в генерал-майоры и действительные камергеры, пожалован орденом Александра Невского и шпагой с бриллиантами. Екатерина даже намеревалась стать женой Григория, о чем писал, например, секретарь саксонского посольства при Российском императорском дворе Георг фон Гельбиг²⁶. Отношения с графом Орловым продлились до 1772 г. (в общей сложности 12 лет). По словам Екатерины, Орлова она очень любила: «Сей бы век остался, естли б сам не скучал» (с. 9). О «скуке» (изменах) она узнала, как пишет,

в самый день его отъезда на конгресс из Села Царского и просто сделала заключение, что о том узнав, уже доверки иметь не могу, мысль, которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации выбор кое-какой [...] (с. 9).

В июне 1872 г. Григорий Орлов, действительно, выехал в Фокшаны для участия в мирных переговорах с турками.

Тогда и возник – от отчаяния, спровоцированного невниманием Орлова, «кое-какой выбор» по имени Александр Васильчиков (1746–1803/1813). Васильчиков тогда часто стоял в караулах в Царском Селе, там и обратил на себя внимание императрицы.

Страдания ее по Орлову длились полтора года:

я более грустила, нежели сказать могу, и иногда более как тогда, когда другие люди бывают довольные, и всякое приласканье во мне слезы возбуждало, так что я думаю, что от рождения своего я столько не плакала, как сии полтора года (с. 9).

Любовь теряла свою прежнюю силу и постепенно уходила. Императрица признается: «Сначала я думала, что привыкну, но что далее, то хуже, ибо с другой стороны месяцы по три дуться стали, и признаться надобно, что никогда довольна не была, как когда осердится и в покое оставит, а ласка его меня плакать принуждала» (с. 9). Как отмечает историк Евгений Анисимов:

Екатерине было от чего плакать: разрыв с Орловым оказался болезненным, он тянулся долго и мучительно. Уговоры окружающих князя Григория «отступиться от матушки»

²⁵ Там же, с. 6.

²⁶ Георг фон Гельбиг, *Биографии 110 заметных лиц XVIII в.*, перев. и примеч. В. А. Бильбасова, Берлин: изд. Фридриха Готтгейнера 1900, с. 296.

были тщетны – показное его смирение, готовность подчиниться судьбе вдруг сменялись кутежами и дебошами, приступы глубокого сплина – бурными скандалами, причём императрица опасалась за себя: столь бешеным и непредсказуемым становилось подчас поведение Гриши²⁷.

В это время (несмотря на то, что рядом с императрицей был Александр Васильчиков) в качестве истинного спасителя явился «некто богатырь» – Григорий Потемкин.

Новый роман Екатерины был бурным. Фамилии Потемкина в исповеди она не называет, описывает через парафраз:

[...] сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность [...] та, которую я желаю чтоб он имел (с. 9).

Упомянутое некое «письмецо», действительно, было отправлено Потемкину, из которого он понял, что ему следует прибыть в Петербург²⁸.

К этому времени и относится составление *Чистосердечной исповеди*. Закончив свои интимные признания, Екатерина пребывает в сомнениях, хотя и пробует шутить: «Ну, Госп[один] Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих» (с. 9). Она даже пытается в духе современного просветительства объяснить влюбчивость «естественными» свойствами своей «натуры»: «Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви» (с. 10). Императрица прекрасно знает, что многие ее современники воспринимают такую любвеобильность как порок, но Потемкину пытается внушить мысль о том, что к влюбчивости может быть и иной подход: «сие происходит от добросердечия²⁹»,

²⁷ Е. В. Анисимов, *Толпа героев XVIII века*, Санкт-Петербург: Редакция Елены Шубиной, Астрель 2013, [электронный ресурс] <https://www.litres.ru/evgeniy-anisimov/tolpa-geroev-xviii-veka/chitat-onlayn/> [28.08.2018].

²⁸ Изабель де Мадариага – английский биограф Потемкина, пишет, что «назначение Г. А. Потемкина генерал-адъютантом императрицы зимой 1774 г. не только означало новую фазу политической истории, оно открыло новую, волнующую страницу личной жизни Екатерины»; «В течение 17 лет он господствовал на русской сцене и неизбежно стал мишенью зависти, даже ненависти, тех, кого он вытеснил [...]». См.: Isabel de Madariaga, *Russia in the Age of Catherine the Great*, New Haven, Conn, and London: Yale University Press 1981, с. 343, 344.

²⁹ См.: *Добросердечие* – 1. Честность, искренность, простодушие. 2. Сердечная доброта, отзывчивость, [в:] *Словарь русского языка XVIII века*, вып. 6: (Грызться—Древный), гл. ред. Ю. С. Сорокин, Ленинград: Наука, Ленинградское отделение 1991, с. 156–157.

хотя тут же себе и возражает: «но статья может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель» (с. 10).

Сорокапятилетняя Екатерина искренне признается тридцатипятилетнему Потемкину в своем то ли «пороке», то ли «добродетели» – желании любить и быть любимой. У нее, вероятно, возникали всякого рода сомнения в необходимости такой откровенности. Не напрасно ли она сделала свои признания, из которых вытекает ее постоянная потребность в «чувствительных отношениях»? Готов ли он по-прежнему нести все тяготы службы, требующей длительных разлук? Не подумает ли он, что в его отсутствие «добрые люди» вновь «заставят» ее «приметить старательства» какого-либо нового «спасителя»? Не побоится ли он, что она позабудет его? Вероятностные екатеринские раздумья, опасения, колебания получили выражение в довольно неуклюжей фразе: «Но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того взлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтоб я тебя позабыла» (с. 10). Однако сразу решительно и однозначно отменяет от себя возможность «позабыть» своего Богатыря: «но, право, не думаю, чтоб такую глупость сделала» (с. 10). И тут же формулирует совет-требование как своего рода залог будущих долговременных отношений: «и естли хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду» (с. 10). Екатерина задает код взаимоотношений между императрицей и фаворитом.

Толчком для исповеди Екатерины послужило настойчивое желание нового фаворита узнать о ее прошлой интимной жизни. Свою исповедь она адресует конкретному человеку: Григорию Потемкину – дворянину, единомышленнику, возлюбленному, отношениями с которым очень дорожит. Исповедуется, как и требовал того Потемкин, в своих предшествующих сердечных увлечениях. Исповедует в отношениях мужчины и женщины – дружбу, любовь, искренность.

В *Чистосердечной исповеди* Екатерины II перед нами предстает любящая женщина, которая признается новому любовнику в старых интимных связях, то есть, согласно св. Писанию, в грехе прелюбодеяния – по сути, в седьмом смертном грехе. «Не прелюбодействуй» – седьмая заповедь. Но в исповеди императрицы о самом грехе всерьез не только не упомянуто, но даже не помыслено, на первое место выдвинута слегка окрашенная самоиронией откровенность признания. В религиозном контексте описанная императрицей присущая ей любвеобильность (синонимы: сладострастие, блуд, похоть, распутство) является не просто тяжким, но смертным грехом. Однако в процессе своего повествования Екатерина, как видно, находится за пределами церковного сознания, религиозной парадигмы (хотя, как известно, она исправно исполняет православную обрядность, позиционируя

себя в качестве примерной верующей). В исповеди есть откровенные признания, но ни покаяния, ни раскаяния в ней нет. Таким образом, российская императрица в своем исповедальном повествовании оказывается как бы вне традиционных морали и нравственности.

Екатеринская *Чистосердечная исповедь* – это, пожалуй, единственная любовная исповедь в русской литературе XVIII–XIX вв., а также фактически первое автобиографическое повествование Нового времени, в названии которого присутствует жанровое обозначение – *исповедь*.

References

- Anisimov, Evgenii V. *Tolpa geroev XVIII veka*. Sankt-Peterburg: Redaktsiya Eleny Shubinoi, Astrel, 2013.
- Briliant, Semen M. *Denis Fonvizin. Ego zhizn i literaturnaya deyatelnost*. Sankt-Peterburg: Izd. F. F. Pavlenkova, 1892.
- Ekaterina II i G. A. Potemkin. Lichnaya perepiska 1769–1791*, ed. V. S. Lopatin. Moskva: Nauka, 1997.
- Fonvizin, Denis I. *Sobranie sochinenii: v 2 tt. Vol. 2*. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudezhestvennoi Literatury, 1959.
- Golombievskii, Aleksandr A. *Biografiya knyazy G. G. Orlova*. Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1904.
- Goryainov, Sergei M. “Stanislav-Avgust Ponyatovskii i Velikaya knyaginiya Ekaterina Alekseevna. Po neizdannym istochnikam”. *Vestnik Evropy*, No. 1–3 (1908).
- Helbig, Georg von. *Biogarfii 110 zametnykh lits XVIII v*. Berlin: izd. Fridrikha Gottheimera 1900.
- Ivanov, Oleg A. *Ekaterina II i Petr III. Istoriya tragicheskogo konflikta*. Moskva: Tsentpoligraf, 2007.
- Lutsevich, Lyudmila F. *Homo confitens Denisa Fonvizina*. In: *Problemy izucheniya russkoi literatury XVIII veka*, No. XV, ed. Ye. I. Annenkova, O. M. Buranok, Sankt-Peterburg; Samara: As Gard, 2011: 130–140.
- Lyustrov, Mikhail Yu. *Fonvizin*, Moskva: Molodaya gvardiya, 2013.
- Madariaga, Isabel de. *Russia in the Age of Catherine the Great*. New Haven, Conn, and London: Yale University Press, 1981.
- Makogonenko, Grigorii P. *Denis Ivanovich Fonvizin: Tvorcheskii put*. Moskva; Leningrad: Goslitizdat, 1961.
- Muratov, Mikhail V. *Denis Ivanovich Fonvizin*. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo Detskoi literatury Narkomprosa RSFSR, 1953.
- Pokayanie*. In: *Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar: v 2 tt*. Sankt-Peterburg: Izd-vo P. P. Soikina [1913]: 1826–1827.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda*, vol. XVI: 28 iyunya 1762–1765, No. 11.582 – 12.301. Sankt-Peterburg: Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kantselyarii, 1830.
- Rassadin, Stanislav B. *Satiry smelyi vlastelin. Kniga o D. I. Fonvizine*. Moskva: Kniga, 1985.
- Shcherbatov, Mikhail M. *Izbrannye Trudy*. Moskva: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka*, ed. Yu. S. Sorokin. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie 1991.
- Sochineniya imperatitsy Ekateriny II na osnovanii podlinnykh rukopisei i s obyasnitelnyimi primechaniyami akademika A. N. Pypina: v 12-ti tt. Vol. 12, part 2: Avtobiograficheskie zapiski*, Sankt-Peterburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1907.

Uvarov, Mikhail S. *Arkhitektonika ispovedalnogo slova*. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 1998.

Volkova, Tatyana N. *Ispoved*. In: *Poetika: Slovar aktualnykh terminov i ponyatii*, ed. N. D. Tamarchenko.

Moskva: Izd-vo Kulaginoi Intrada, 2008: 85–86.

Vyazemskii, Petr A. *Fonvizin*. Sankt-Peterburg: [b. i.], 1848.

Zapiski imperatritsy Ekateriny II. Moskva: Nauka, 1990.

Zapiski imperatritsy Ekateriny Vtoroy. Sankt-Peterburg: Izd. A. S. Suvorina, 1907.